

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А VIII ¹⁾.

уже охарактеризовалъ въ одной изъ первыхъ главъ прекрасную личность Александра Ивановича Чупрова и тѣ сомнѣнія, которыя впрочемъ, имѣли мѣсто при первомъ знакомствѣ и изгладились при дальнѣйшемъ сближеніи, превратившись въ самую тѣсную дружбу. Несмотря на нѣкоторыя уже довольно раннія различія въ общемъ характерѣ міросозерцанія, мнѣнія наши съ Александромъ Ивановичемъ въ большинствѣ совпадали или болѣе или менѣе были близки другъ къ другу. Впрочемъ,—онъ былъ склоненъ больше къ оптимизму—смотрѣть на все черезъ розовыя очки,—я же—скорѣе къ пессимизму. Онъ старался не видѣть зла даже тамъ, гдѣ оно было; я же, наоборотъ, прежде всего обращалъ вниманіе на дурную сторону предмета или лица. Поэтому онъ часто дружилъ тамъ, гдѣ я склонялся къ неприязни, или, по крайней мѣрѣ, къ полному равнодушію.

Наша связь и дружба поддерживалась, конечно, взаимными одолженіями и услугами, которымъ нѣтъ числа и въ крупныхъ и мелкихъ случаяхъ обыденной жизни. Эти услуги дѣлались обыкновенно охотно, безъ особой даже просьбы и только при одномъ предположеніи или намекѣ, какъ увидимъ дальше на примѣрахъ, относительно желательности такой услуги. Трудно рѣшить, кто изъ насъ въ этомъ отношеніи остался должникомъ у другого. Приведу дальше перечисленіе нѣкоторыхъ выдающихся пунктовъ нашихъ взаимныхъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1911 г.

отношеній. Первая крупная услуга мнѣ со стороны Чупрова, насколько я припоминаю, были большія и удачныя хлопоты его объ опредѣленіи на службу моего зятя М. И. Шмуккера, земскаго врача въ Саратовской губерніи, только что лишившагося своего мѣста, съ огромной семьей на рукахъ, при губернаторствѣ въ Саратовской губерніи князя Мещерскаго. Такъ какъ возвращеніе на старую службу моему зятю были немислимо, то надо было по возможности въ той же губерніи выхлопотать ему другое мѣсто. Благодаря усерднымъ стараніямъ Александра Ивановича и его обращенію къ лицамъ, власть имѣющимъ, Шмуккеръ вскорѣ нашелъ себѣ мѣсто въ качествѣ желѣзнодорожнаго врача на Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ въ г. Вольскѣ, гдѣ уже много лѣтъ пребываетъ благополучно и донинѣ.

Вторая дружеская услуга покойнаго Александра Ивановича, которую я цѣню еще больше, это сердечное его отношеніе и участіе, которыя онъ выказалъ для успокоенія и смягченія послѣдствій недѣльнаго студенческаго безпорядка, бывшаго въ 1894 г. у меня на лекціяхъ (о которомъ я уже упоминалъ еще въ главѣ VI, говоря о Л. Толстомъ). Студенты потребовали отъ меня произвольно отмѣны лекцій; я не согласился; вышло, какъ всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ, раздѣленіе аудиторіи на двѣ части: половина студентовъ шикала, другая хлопала. Университетъ назначилъ слѣдствіе, съ недѣлю продолжалось броженіе, и чтеніе лекцій временно приостановилось. Чупровъ, одинаково съ Ф. Ф. Эрнсманомъ, собиралъ у себя студентовъ и черезъ знакомыхъ старался повліять на нихъ объясненіемъ истинныхъ ихъ обязанностей. Черезъ недѣлю, примѣрно, все благополучно кончилось, и курсъ возобновился безъ дальнѣйшихъ инцидентовъ. Вся эта исторія оставила во мнѣ лишь непріятныя воспоминанія и дала толчокъ рѣшенію моему покинуть Университетъ и принять предложеніе Петербургской Академіи Наукъ перейти къ ней на службу. Такъ какъ мною уже былъ подготовленъ достойный преемникъ И. Х. Озеровъ, то я счелъ этотъ планъ удобопріемлемымъ для избѣжанія возможнаго въ будущемъ повторенія непріятностей, въ виду замѣтно возростающаго броженія между студентами и скоро сдѣлался академикомъ, о чемъ подробнѣе буду говорить въ другомъ мѣстѣ (въ перепискѣ съ Н. Х. Бунге).

Съ моей стороны выказывалось также полнѣйшее желаніе и стараніе помогать милому Александру Ивановичу во всѣхъ его затрудненіяхъ, насколько это было въ моихъ силахъ и средствахъ. Приведу также нѣсколько примѣровъ. Возвратившись изъ первой моей поѣздки въ Англію въ семидесятыхъ годахъ и познакомившись тамъ случайно и довольно близко съ страхованіемъ жизни и важ-

ностью его не только для государства, но и для личного семейнаго благополучія, я сдѣлался усерднымъ, ревностнымъ пропагандистомъ этого вида страхованія, застраховался немедленно самъ и даже два раза въ сильныя суммы, и на всѣхъ собраніяхъ и встрѣчахъ убѣждалъ усердно всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей, особенно семейныхъ, какъ Чупровъ, послѣдовать моему примѣру и застраховаться. Нѣкоторые дѣйствительно поддались моимъ внушеніямъ, но Чупровъ долго колебался, возражая, что бѣдность мѣшаетъ ему застраховаться въ солидную сумму, а въ малую-де не стоитъ. Но тутъ произошелъ на глазахъ наглядный случай всей важности страхованія, даже въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ: скоропостижно умеръ нашъ общій знакомый нѣкто Добросердовъ, болѣе всѣхъ поддерживавшій Александра Ивановича въ безполезности малыхъ страхованій. И какъ разъ черезъ нѣсколько дней послѣ его рѣчей, на одномъ изъ моихъ обычныхъ журфиксовъ я объявилъ горестное извѣстіе о кончинѣ Добросердова, проживавшаго въ одномъ со мной домѣ, и о необходимости сдѣлать сборъ на похороны и въ пользу голодавшей его семьи, въ чемъ великодушно принялъ конечно участіе и Александръ Ивановичъ. Этотъ случай такъ сильно подѣйствовалъ на нервы Александра Ивановича, что онъ немедленно побѣжалъ къ врачу страхового общества, кажется „Якоря“, и поспѣшилъ застраховаться. Много разъ въ жизни онъ вспоминалъ потомъ объ этомъ обстоятельстве, благодаря меня за уговоры мои и убѣжденія къ страхованію.

Вѣроятно, немногія лица знаютъ, что Александръ Ивановичъ Чупровъ едва не прошелъ въ нашу Академію Наукъ вмѣсто меня и гораздо раньше меня, и если этого не случилось, то это зависѣло не отъ нашей воли, а отъ слѣпного случая. Въ одно прекрасное утро въ концѣ восьмидесятыхъ или началѣ девяностыхъ годовъ ко мнѣ внезапно появился на квартиру въ Москвѣ мой товарищъ по профессурѣ Николай Яковлевичъ Гротъ, профессоръ философіи, нынѣ давно умершій. Такъ какъ мы домами съ нимъ не были знакомы и даже обычнаго визита при поступленіи въ Университетъ онъ не сдѣлалъ, и наши свиданія ограничивались лишь засѣданіями въ университетскомъ совѣтѣ и случайными встрѣчами, то я, разумѣется, былъ не мало удивленъ его визиту и сразу предположилъ, что его привело ко мнѣ какое-нибудь серьезное и важное дѣло.

„Я только что получилъ“, приступилъ прямо Николай Яковлевичъ, „важное, слѣшное письмо отъ отца моего, академика Грота въ Петербургѣ. Зная вѣроятно о Вашей близости и дружбѣ съ Александромъ Ивановичемъ Чупровымъ, онъ поручилъ мнѣ просить Васъ отъ Академіи, въ виду того, что тамъ опросталась (кажется,

за смертью Безобразова) катедра политической экономіи, написать мотивированный отчет о трудахъ и сочиненіяхъ А. И. Чупрова для предложенія его и промоція въ Академіи на это мѣсто. При этомъ необходимо два условія: спѣшность и полная скромность, т. е. молчаніе обо всемъ этомъ дѣлѣ до поры до времени... Если Вы согласитесь, въ чемъ я увѣренъ по дружбѣ къ Чупрову, то я немедленно телеграфирую отцу". — „Извѣстно ли обо всемъ этомъ“, спросилъ на это я, „самому А. И. Чупрову и изъявилъ ли онъ свое согласіе?“ — „Совершенно ничего не знаю“, „но Вамъ рѣшительно ничего не мѣшаетъ и даже благоразумно, въ дѣйствительности, спросить самого Чупрова“.

Конечно послѣ этого я тотчасъ изъявилъ свое согласіе исполнить возможно скоро работу для своего друга, искренно порадовавшись за него. Затѣмъ я немедленно отправился къ Александру Ивановичу и объявилъ ему объ этомъ предложеніи и своемъ обѣщаніи. Къ моему удивленію, Александръ Ивановичъ отнесся къ этому дѣлу далеко, повидимому, не съ радостью и готовностью, какъ слѣдовало ожидать. Онъ указывалъ, главнымъ образомъ, на зависть и разныя сплетни и нареканія, которыя вызоветь его избраніе въ академики; со свойственной ему скромностью онъ ссылался наиболѣе на малое количество своихъ трудовъ и указывалъ на то, что многіе русскіе экономисты работали-де гораздо больше и скорѣе заслуживаютъ этой чести. Я ему въ свою очередь указывалъ на тѣ преимущества, которыя онъ пріобрѣтетъ, и главное на болѣе прочное положеніе въ служебномъ отношеніи, въ особенности въ виду косяхъ взглядовъ на него министерства, которые могутъ помѣшать его утвержденію при ближайшихъ выборахъ (что въ дѣйствительности, какъ сейчасъ узнаемъ, вскорѣ и случилось).

Послѣ этихъ довольно длинныхъ разговоровъ, Александръ Ивановичъ заявилъ, наконецъ, свое согласіе на дальнѣйшее движеніе этого дѣла и обѣщавъ мнѣ даже дать списокъ нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ его трудовъ, которые я могъ упустить въ своемъ отзывѣ.

Черезъ недѣлю мой отзывъ, разумѣется очень лестный, объ ученыхъ трудахъ и дѣятельности Александра Ивановича былъ готовъ и переданъ Н. Я. Гроту, который отправилъ его въ Петербургъ къ академику Гроту. По всему дѣлу соблюдалась нами полная скромность, т. е. о немъ рѣшительно никто не зналъ, кромѣ заинтересованныхъ лицъ.

Прошло, однако, нѣсколько мѣсяцевъ, и не было никакихъ слуховъ о нашемъ съ Гротомъ начинаніи, пока я, наконецъ, не узналъ, не помню лично ли отъ Грота, слѣдующія обстоятельства, которыя и успѣшилъ сообщить Чупрову—почему его промоція на этотъ

разъ не удалась. Оказалось именно, что Н. Х. Бунге, бывший министр Финансовъ, а тогда предсѣдатель Комитета Министровъ и почетный членъ Академіи Наукъ, вздумалъ это послѣднее званіе, въ виду освободившейся вакансіи, измѣнить въ *дѣйствительные члены, но безъ содержанія*, для чего и пожелалъ подвергнуться новому избранію Конференціи. Разумѣется, при такой конкуренціи отпала всякая мысль о дальнѣйшемъ замѣщеніи каѳедры политической экономіи, въ виду почета, во-первыхъ, имѣть такого члена въ рядахъ Академіи и вслѣдствіе общей симпатіи и уваженія къ Николаю Христіановичу. Кромѣ того, Академія при этомъ планѣ выигрывала въ свою пользу, по закону, всѣ средства, освобождавшіяся отъ содержанія данной каѳедры. Такъ безрезультатно остался мой трудъ надъ отзывомъ о столь достойномъ кандидатѣ, какъ А. И. Чупровъ, и это тѣмъ болѣе было жаль, что онъ состоялъ уже въ это время членомъ-корреспондентомъ Академіи и, слѣдовательно, имѣлъ извѣстныя права надѣяться на успѣхъ въ выборахъ, я же тогда былъ совершенно въ сторонѣ отъ Академіи и даже не мечталъ о чести попасть когда-либо въ ея ряды.

Милый Александръ Ивановичъ не хотѣлъ остаться въ долгу за описанную услугу мою, хотя и безрезультатную, не по моей винѣ. Онъ уже былъ тогда членомъ Международнаго Статистическаго Института, одинъ изъ немногихъ тогдашнихъ русскихъ ученыхъ, носившихъ это почетное званіе. Не говоря мнѣ ни слова, онъ сдѣлалъ въ Институтѣ предложеніе объ избраніи меня также, что вскорѣ и состоялось, и я внезапно для себя получилъ увѣдомленіе, кажется изъ Лондона, объ избраніи меня въ члены этого почтеннаго учрежденія и предложеніе участвовать въ его трудахъ и выборахъ!..

Подобный обмѣнъ услугъ, а еще больше того, совмѣстныя и общія дѣйствія мои съ Александромъ Ивановичемъ были очень часто выраженіемъ нашего общенія и дружбы, и перечислить ихъ всѣ цѣликомъ почти за тридцать лѣтъ совмѣстнаго профессорства совсѣмъ невозможно,—приведу, пожалуй, лишь одинъ случай, который особенно ярко припоминается, благодаря печальной извѣстности того имени, котораго этотъ случай касается. Магистрантъ М. Я. Герценштейнъ, такъ трагически и несчастно покончившій впоследствии свои дни отъ руки убійцы, нѣсколько разъ представлялъ въ Юридическій Факультетъ Московскаго Университета заявленіе о своемъ желаніи открыть, въ качествѣ приватъ-доцента, чтеніе курса политической экономіи; но каждый разъ это ходатайство отклонялось по волѣ начальства и, по моему мнѣнію, *безъ всякаго законнаго основанія*. Въ самомъ дѣлѣ, Михаилъ Яковлевичъ имѣлъ всѣ основанія полу-

читать разрѣшеніе на открытіе курса въ качествѣ привать-доцента. Прежде формальнымъ препятствіемъ служило его еврейское вѣроисповѣданіе, но онъ давно уже, вмѣстѣ съ женитьбой на русской—принялъ христіанство; отлично выдержалъ магистерскій экзаменъ и просилъ только допустить его до чтенія пробныхъ лекцій. Мы съ Чупровымъ посовѣтовали ему, поговоривши съ деканомъ и нѣкоторыми членами факультета, сдѣлать новую попытку для достиженія этого, вполне легальнаго, желанія; мы оба съ Александромъ Ивановичемъ горячо ратовали въ засѣданіи факультета за безусловную необходимость исполнить его просьбу и, подробно разбирая положеніе дѣла съ разныхъ сторонъ, указывали, что нѣтъ никакихъ законныхъ препятствій кромѣ чистаго произвола къ допущенію г. Герценштейна въ привать-доценты... Помнится мнѣ, наши настойчивыя убѣжденія подѣйствовали на большинство факультета въ этомъ засѣданіи, и значительное число голосовъ, начиная (что намъ казалось особенно важнымъ) съ декана факультета В. А. Легонина, высказались за допущеніе М. Я. Герценштейна, при соблюденіи, конечно, извѣстныхъ требуемыхъ формальностей; но не согласился рѣшительно и говорилъ рѣзко и долго противъ допущенія Герценштейна на кафедру лишь одинъ, собственно, вліятельный членъ факультета—бывшій тогда ректоромъ Н. П. Боголѣповъ. Онъ соглашался вполне съ формальными аргументами въ пользу допущенія Герценштейна на кафедру, но ставилъ вопросъ широко и произвольно. Противно закону, онъ утверждалъ, что крещеный еврей остается все равно евреемъ и долженъ подвергаться-де тѣмъ же самымъ ограниченіямъ, т. е. никогда не допускаться въ университетъ, и что мы съ Чупровымъ, такъ горячо ратуящіе за отступленіе отъ этого принципа, хотя бы въ силу формальнаго закона, непременно когда-нибудь горько раскаемся!!¹⁾ Поэтому онъ-де, Боголѣповъ, видя, что большинство склоняется благопріятно на просьбу Герценштейна, остается при особомъ мнѣніи и заявить его Попечителю...—Въ результатъ, Попечитель впоследствии присоединился къ мнѣнію Боголѣпова, и мнѣніе большинства факультета провалилось, а Герценштейнъ и этотъ разъ не получилъ допущенія въ Университетъ

¹⁾ Въ теченіе всей моей тридцатилѣтней профессорской жизни мнѣ не пришлось, однако, убѣдиться въ справедливости предсказанія Н. П. В. по той простой причинѣ, что многократныя мои попытки провести на кафедру изъ своихъ учениковъ вполне достойныхъ кандидатовъ-евреевъ оказывались всегда тщетными и безрезультатными. До сихъ поръ еще я встрѣчаю часто служащими въ банкахъ и въ рядахъ адвокатуры такихъ евреевъ—учениковъ, которые были бы гораздо умѣстнѣе и полезнѣе на университетскихъ кафедрахъ!!.

и лишь добился его гораздо позднѣе, въ эпоху, кажется, такъ называемаго освободительнаго движенія.

Возвращаясь къ обоюднымъ между мною и Чупровымъ услугамъ, я долженъ рассказать далѣе подробно о всѣхъ тѣхъ тревогахъ, которыя намъ обоимъ принесли прямо или косвенно 1895 годъ, и о тѣхъ хлопотахъ и мѣрахъ, которыя пришлось принимать для устраненія возможныхъ крупныхъ неприятностей. Лучше всего выразить причину всѣхъ этихъ тревогъ простымъ и краткимъ словомъ моей жены въ ея современномъ событію письмѣ (отъ 31 октября 1895 г.): „Иванъ Ивановичъ“, пишетъ она своимъ родителямъ, „вчера опять уѣхалъ въ Петербургъ на нѣсколько дней: тамъ у него два засѣданія въ Академіи. Тутъ долгое время переживали всѣ тревогу по поводу того, что Александра Ивановича Чупрова не приглашали къ чтенію лекцій послѣ окончанія имъ двадцатипятилѣтняго срока, и было даже опасеніе, что его хотятъ совсѣмъ устранить, такъ что Иванъ Ивановичъ хлопоталъ о немъ въ Петербургѣ. Теперь, слава Богу, все уладилось, и онъ уже началъ лекціи, а то студенты уже принимались волноваться“...

Прежде чѣмъ рассказать подробно о моихъ хлопотахъ по этому крупному и тревожному дѣлу, я считаю полезнымъ привести справку изъ своего письма по этому поводу къ женѣ изъ Петербурга еще 19 сентября 1895 года: „Очень хлопочу“, пишу я, „о бѣдномъ Чупровѣ: его хочетъ Деляновъ, кажется, серьезно вытѣснить изъ Университета. Надо серьезно же и похлопотать въ Москвѣ у генераль-губернатора: думаю съѣздить къ Боголѣпову, лично, и его также попросить. Вчера я послалъ телеграммой по просьбѣ Чупрова печальную ему вѣсть о совѣтѣ Делянова—подождать съ чтеніемъ лекцій“... „Потомъ, однако, стало какъ будто проясняться“... „Какое огромное лишеніе для насъ“, добавляю я въ томъ же письмѣ,— „смерть Бунге!.. Онъ бы навѣрное все устроилъ къ общему благополучію. Сегодня ѣздилъ даже къ нашему бывшему сотоварищу Плеве: хотѣлъ попросить хоть его заступиться за бѣдняжку, но увы! Плеве еще въ Костромской губерніи... Другихъ вліятельныхъ знакомцевъ Муравьева и Витте—также нѣтъ въ Петербургѣ“... (Sic!)

Двѣ мои поѣздки осенью 1895 года въ Петербургъ по просьбѣ самого Александра Ивановича я посвятилъ посѣщенію всѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла его дальнѣйшая судьба въ университетѣ, и болѣе или менѣе горячо говорилъ въ его пользу и защиту. Прежде всего я отнесся къ моему новому сотоварищу по Академіи и въ то же время вице-директору Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія В. В. Латышеву, чтобы констатировать положеніе дѣла. Съ основательностью, ему свойственной, почтенный академикъ под-

твердилъ мнѣ, что А. И. Чупровъ считается серьезно скомпрометированнымъ и тревожитъ своей дальнѣйшей участію Министерство, хотя оно ничего противъ него не имѣетъ и всѣ обвиненія текутъ изъ Москвы; онъ совѣтовалъ мнѣ хорошенько переговорить обо всемъ съ Н. М. Аничковымъ—директоромъ и самимъ графомъ Иваномъ Давидовичемъ, который, повидимому, очень занятъ дѣломъ Чупрова. Н. М. Аничковъ, который, надо отдать ему справедливость, все время относился къ моимъ хлопотамъ доброжелательно, объяснилъ мнѣ, что представленія и жалобы на извѣстную некорректность Чупрова въ его Университетскомъ поведеніи текутъ изъ Москвы и слѣдовало бы дѣйствовать на Боголѣпова, отъ котораго многое зависитъ; но само собой разумѣется, надо прежде всего серьезно побесѣдовать и узнать мнѣніе графа Ивана Давидовича и какъ онъ къ этому отнесется.

Я немедленно отправился къ Деянову, принять имъ былъ, какъ всегда, любезно и, зная его привычку приглашать къ себѣ обѣдать профессоровъ, которые на болѣе долгое время пріѣзжали въ столицу, самъ подсказалъ такое ему приглашеніе, заявивши, что пріѣхалъ на продолжительное время по дѣламъ Академіи и желалъ бы побесѣдовать съ нимъ о многихъ вопросахъ. Добрѣйшій Иванъ Давидовичъ Деяновъ немедленно пригласилъ меня къ себѣ на другой день откушать, и мы на довольно продолжительное время очутились съ нимъ съ глазу на глазъ, вдвоемъ—для желанныхъ мною разговоровъ о Чупровѣ.

Я тотчасъ же, какъ называется, притянулъ быка за рога и на вопросы Ивана Давидовича, что у насъ дѣлается въ Москвѣ, отвѣтилъ, что въ Университетскихъ кругахъ теперь тревожатся участію Чупрова, что затянулось его дальнѣйшее оставленіе въ университетѣ и не приходитъ утвержденіе изъ Петербурга. „Да, да“, съ нѣкоторой досадой отвѣчалъ мнѣ графъ Деяновъ, „что прикажете дѣлать?... Я знаю хорошо“, перебилъ онъ меня, когда я хотѣлъ что-то пояснить, „что Александръ Ивановичъ умница и добрѣйшей души человекъ, но ведетъ себя неосторожно: говоритъ больше, чѣмъ надо и съ кѣмъ не слѣдуетъ!“—„Помилуйте, многоуважаемый графъ“, возразилъ я, „Александръ Ивановичъ корректный и скромный человекъ и ничего не законнаго дѣлать никогда не будетъ: за что же такое рѣзкое осужденіе противъ него?“—„Что же дѣлать, когда Московская администрація и прежде и нынѣ постоянно сообщаетъ о разныхъ неосторожностяхъ Чупрова? Вотъ теперь, напр., попечитель, новое лицо—вашъ бывшій товарищъ—Николай Павловичъ (Боголѣповъ), и ему уже не даютъ покоя съ Александромъ Ивановичемъ. Я боюсь, что если мы его пропустимъ дальше на пятилѣтіе, то,

пожалуй, будутъ протестовать противъ нашего рѣшенія... Знаете, ему не слѣдуетъ торопиться прошеніемъ о дальнѣйшемъ оставленіи на службѣ; если вы съ нимъ дружны, то передайте ему это: можетъ выйти хуже"... Послѣ этого разговора съ Министромъ, я немедленно послалъ Александру Ивановичу ту телеграмму, о которой уже упомянулъ, и вслѣдъ затѣмъ большое письмо, которое постигла странная участь: оно дошло до Москвы лишь черезъ три дня по словамъ Чупрова—чуть ли не распечатанное.

Въ концѣ обѣда я настойчиво присталъ къ доброму все-таки хозяину съ разспросами, въ чемъ же собственно обвиняютъ или подозрѣваютъ Александра Ивановича, что онъ такое сдѣлалъ, чтобы заслужить гнѣвъ начальства? Но Иванъ Давидовичъ на этотъ разъ отвѣчалъ уклончиво общими мѣстами и шутками, очевидно не желая мнѣ сказать точную правду—или не считая ее достаточной. Между прочимъ тутъ подтвердился извѣстный любимый анекдотъ объ И. Д. Деяновѣ, который я слышалъ раньше нѣсколько разъ, а именно его сравненіе о строгости поведенія профессоровъ и архіереевъ, по господствующимъ возрѣніямъ. „Вѣдь вотъ ничего нѣтъ, конечно, зазорнаго прогуляться по Невскому даже вечеркомъ; попробуй это сдѣлать архіерей—въ результатѣ будетъ всеобщее осужденіе его поведенія!!". Также относится публика и къ профессорамъ: съ ихъ стороны требуется особая осторожность и благоразуміе въ каждомъ своемъ шагѣ. Ну вотъ Александръ Ивановичъ и въ данномъ случаѣ погрѣшаетъ: часто неосторожно дѣйствуетъ и говоритъ, откуда и являются нареканія при всѣхъ его достоинствахъ"... Такъ я и не добился точнаго и опредѣленнаго отвѣта о причинахъ предполагаемой угрозы изгнать моего милаго друга изъ стѣнъ Московскаго Университета. Отъ Деянова я, помню, поспѣшилъ для окончательнаго совѣта къ Н. М. Аничкову, отношенія котораго къ Чупрову мнѣ показались всѣхъ добрѣе. Я спросилъ его категорически, что мнѣ дѣлать дальше, чтобы спасти Чупрова и сберечь его для Университета, предварительно рассказавши, конечно, бесѣду съ графомъ. „Все дѣло въ Москвѣ“, отвѣчалъ онъ, „и ближайшимъ образомъ въ Н. П. Боголѣповѣ. Я знаю, что онъ не любитъ Чупрова; но какъ относится къ вамъ?“—„Я съ нимъ состою въ добрыхъ товарищескихъ отношеніяхъ“, отвѣчалъ я, „несмотря на нѣкоторыя столкновенія по поводу евреевъ“.—„Ну и прекрасно, возвращайтесь въ Москву и убѣждайте его: участь Чупрова во многомъ зависитъ отъ миѣній и желаній Николая Павловича“!..

Я вернулся вскорѣ же въ Москву и лично подробно передалъ все Чупрову, который, разумѣется, согласился съ необходимостью мнѣ предварительно повидаться съ Боголѣповымъ и пощупать

почву. Въ одинъ изъ ближайшихъ же дней я посѣтилъ Николая Павловича, довольно откровенно рассказалъ ему о всѣхъ своихъ хлопотахъ въ Петербургѣ и поставилъ ребромъ, что дальнѣйшая участь Чупрова, вѣроятно, зависитъ отъ его доброжеланія?.. Миѣ пришлось вынести большую неприятность: выслушать нѣсколько разъ и при томъ безъ особой мотивировки и стараться отпарировать обвиненіе Чупрова Боголѣповымъ, которое онъ не стѣснялся разъ даже позднѣе высказать моей женѣ въ частной бесѣдѣ съ ней—въ *лицемѣрїи* А. И. Ч. „Онъ лицемѣръ“, твердилъ Николай Павловичъ, одно говорить на языкѣ, а иногда и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, а дѣлаетъ совершенно другое!“ Конечно, я старался опровергнуть и оспорить это недостойное обвиненіе, какъ только было въ моихъ силахъ—тѣмъ болѣе, что точной формулировки и приведенія отдѣльных случаевъ онъ не давалъ, обвиняя Чупрова лишь, такъ сказать, огуломъ. Несмотря на все мое несогласіе съ миѣніемъ Боголѣпова и мою любовь и уваженіе къ Александру Ивановичу, я долженъ, однако, сознаться, что считаю это странное, много разъ въ жизни повторенное Боголѣповымъ, миѣніе хотя и совершенно ложнымъ, но высказаннымъ вполнѣ искренно: Н. П. Боголѣповъ былъ не менѣе искренній и честный, какъ А. И. Чупровъ. Человѣкъ, только совершенно иного рода: они представляли собой слишкомъ противоположныя натуры, почему и не могли терпѣть и понимать другъ друга; это для меня обнаружилось ясно во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ чертахъ ихъ жизни. Боголѣповъ былъ человѣкъ, прежде всего, крайне прямолинейный, не допускавшій и мысли объ отклоненіи отъ разъ принятаго пути, какъ бы это отклоненіе ни было справедливо и необходимо. Стоить только припомнить—объяснять я теперь не имѣю нужды—извѣстное отношеніе его къ евреямъ... Тутъ онъ былъ всегда неумолимъ и невозможно было убѣдить его къ уступкамъ. Совсѣмъ иной былъ Чупровъ: онъ былъ человѣкъ очень гибкій и уклончивый въ своихъ миѣніяхъ и дѣйствіяхъ, насколько этого требовало его благородное сердце, гуманность и общій складъ его убѣжденій. Благодаря послѣдней причинѣ многія рѣшенія у него по одинаковымъ вопросамъ получались разныя, и это вело къ обвиненію его со стороны въ непослѣдовательности, а въ столкновеніяхъ съ совершенно противоположными людьми, какъ Боголѣповъ, не понимавшими иного поведенія, какъ свое—прямолинейное—даже и въ лицемѣрїи...

Я всячески старался примирить взглядъ Боголѣпова, какъ Попечителя, съ дѣятельностью моего незабвеннаго друга Александра Ивановича, какъ профессора. Я указалъ дальше Попечителю, наконецъ, на опасныя послѣдствія, которыя дальнѣйшее неутвержденіе

Чупрова можетъ вызвать, на неизбѣжныя волненія между студентами, съ чѣмъ Боголѣповъ, разумѣется, не могъ не считаться. Боголѣповъ подумалъ и отвѣтилъ рѣшительно: „Ну что же, я ничего лично не скажу противъ Александра Ивановича. Передайте ему, что если онъ явится ко мнѣ и заявитъ о болѣе корректномъ на будущее и прямомъ образѣ дѣйствій (!!?), то я употреблю всѣ старанія удержать его въ Университетѣ“.—Разумѣется, я немедленно посѣтилъ Чупрова и передалъ ему въ возможно деликатной формѣ все происходившее, предлагая отправиться къ Боголѣпову вмѣстѣ со мной, какъ посредникомъ, или безъ меня. По нѣкоторому размышленію, рѣшили, что лучше ему одному отправиться, что онъ и сдѣлалъ. На разспросы мои послѣ возвращенія отъ Попечителя, Чупровъ категорически замѣтилъ, что все окончилось-де благополучно: Боголѣповъ обѣщаль употребить всѣ старанія на продленіе его службы, но вѣроятно, какъ я могъ замѣтить по разнымъ признакамъ, объясненіе это было не легко для бѣднаго Александра Ивановича, почему я, разумѣется, и не настаивалъ на разспрашиваніи.

Какъ извѣстно, съ окончаніемъ своей профессорской тридцатилѣтней службы, Александръ Ивановичъ переселился, по причинамъ мнѣ не совсѣмъ яснымъ, за границу, гдѣ проживали нѣкоторые члены его семейства, и въ Россію уже не возвращался. Тѣмъ не менѣе связь наша далеко не прекратилась: мы во-первыхъ довольно часто переписывались, принимая во вниманіе русскую лѣнь, которая распространялась и на насъ грѣшныхъ, а затѣмъ видѣлись почти ежегодно за границей, гдѣ я проводилъ съ женой каждое лѣто. Такъ мы встрѣчались съ нимъ нѣсколько разъ въ Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Гейдельбергѣ, Цюрихѣ и, наконецъ, послѣдній разъ въ Висбаденѣ, куда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ погостить въ 1906 г. (Одна наша совмѣстная прогулка съ Чупровымъ на Нидервальдъ на Рейнѣ описана мною въ одной изъ первыхъ главъ настоящихъ „Воспоминаній“). Слѣдующее затѣмъ лѣто 1907 года мы опять были не далеко другъ отъ друга: я жилъ въ санаторіи на Боденскомъ озерѣ, а онъ въ Hohenschwangau, въ Баварскихъ Альпахъ. Къ сожалѣнію, я получилъ внезапно, въ результатъ неудачнаго леченія въ санаторіи, новую мучительную болѣзнь—карбункулъ, меня напугавшую: проектируемая поѣздка моя къ другу въ Баварію не состоялась, и мнѣ уже больше не пришлось его видѣть въ жизни. Но переписка между нами постоянно продолжалась по разнымъ текущимъ и интересующимъ насъ вопросамъ, кромѣ, конечно, политики, которою я никогда не занимался. Послѣднее его письмо онъ написалъ мнѣ за недѣлю до его внезапной кончины по поводу

полученнаго отъ меня снимка съ портрета моего кисти В. Е. Маковского. Письмо это до того умно и мѣтко и такъ хорошо характеризуетъ покойнаго, понимавшаго толкъ въ живописи вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ Италіи и свойственной ему во всемъ пытливости, что заслуживало гласности для публики, почему я его и напечаталъ въ газетѣ „Слово“ ¹⁾.

Любопытно, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ лицъ никто такъ не интересовался постоянно, не имѣя никакихъ прямыхъ сношеній, судьбой Александра Ивановича, повидимому, какъ В. К. Плеве въ теченіе части его жизни, мнѣ извѣстной. Со времени переселенія моего въ Петербургъ, въ 1898 г., по должности члена Академіи Наукъ, я встрѣчался съ Плеве, тогда въ качествѣ Государственнаго секретаря, сравнительно довольно рѣдко, но гораздо чаще, когда онъ сдѣлался Министромъ В. Д., и каждый разъ онъ встрѣчалъ меня стереотипной фразой: „А какъ поживаетъ нашъ общій другъ, (our mutual friend), Александръ Ивановичъ?“ при чемъ я передавалъ ему все извѣстное о Чупровѣ. Послѣднее, однако, время въ 1903 году наша переписка съ Чупровымъ какъ-то временно остановилась; Плеве, у котораго я былъ по дѣлу (что рассказано въ другой главѣ), провожая меня изъ своего кабинета, какъ любезный хозяинъ, до своей приѣмной, повторилъ этотъ обычный вопросъ объ

---

¹⁾ Вотъ содержаніе этого письма А. И. Чупрова изъ Мюнхена отъ 16/29 февраля 1908 года: „Дорогой мой Иванъ Ивановичъ, чрезвычайно утѣшилъ ты меня присылкой посткарты, представляющей, очевидно, копію съ портрета. Изображеніе твое вышло превосходно. Въ первую минуту показалось оно мнѣ черезъ чуръ солидно, но чѣмъ больше я смотрю на него, тѣмъ ярче встаютъ твои черты и тѣмъ больше начинаю я цѣнить великое искусство мастера. Это не фотографія, а именно воспроизведеніе такихъ чертъ, которыя можно назвать въ человѣкѣ самыми существенными. Портретъ, какъ мнѣ кажется, совершенно удовлетворяетъ тому требованію, которое предъявляетъ къ художественнымъ произведеніямъ такого рода Рескинъ. Здѣсь нѣтъ такого сходства, чтобы, увидя это изображеніе, твоя собака начала лаять; но когда оно попадетъ къ другу, послѣдній не оторвется отъ него, и чѣмъ больше будетъ смотрѣть, тѣмъ больше будетъ находить знакомыхъ и милыхъ сердцу чертъ. Одно можно сказать: Маковский, не смотря на годы, остался большимъ художникомъ, и твой портретъ дѣлаетъ ему особую честь. Дай Богъ здоровья милой Екатеринѣ Николаевнѣ, что она любящимъ сердцемъ придумала увѣковѣчить твой образъ!

„Удивительно хорошо снята посткарта. Гдѣ это нашелъ ты такого мастера? Стоило бы узнать, гдѣ дѣлаются такія копія. Не только общіе контуры, какъ это бываетъ по большей части, но всѣ полутоны вышли совершенно отчетливо“.

общемъ другѣ. Я былъ не совсѣмъ въ хорошемъ настроеніи и довольно невѣжливо отвѣтилъ хозяину (идя впереди его въ полъ-оборота), что онъ о Чупровѣ, навѣрное, можетъ получить болѣе точныя свѣдѣнія отъ одного изъ подчиненныхъ ему департаментовъ, нежели отъ меня... Мой рѣзкій отвѣтъ, видимо, неприятно затронулъ Министра, и онъ тоже довольно рѣзко же отвѣтилъ мнѣ: „Ошибаетесь, совершенно ошибаетесь! Александръ Ивановичъ теперь совершенно корректенъ и чистъ въ политическомъ отношеніи; намъ извѣстно только, что онъ проживаетъ за границей по какимъ-то романтическимъ причинамъ“ (!?). Таковъ полученный мною изъ устъ покойнаго Министра загадочный отвѣтъ о моемъ другѣ, который до сихъ поръ является для меня неразрѣшеннымъ, такъ какъ я не считалъ себя въ правѣ касаться этого вопроса при встрѣчахъ позднѣе съ Александромъ Ивановичемъ, или членами его семьи.

Извѣстіе о внезапной кончинѣ моего незабвеннаго друга я получилъ весьма быстро и одновременно изъ двухъ источниковъ: отъ одной изъ родственницъ Чупрова, извѣщенной изъ-за границы телеграммой, и отъ Мюнхенскаго профессора Лотца, въ домѣ котораго скончался Александръ Ивановичъ и который тотчасъ же мнѣ о томъ написалъ. Письмо его въ свое время помѣщено было мною также въ газетѣ „Слово“.

Изъ матеріаловъ, уцѣлѣвшихъ у меня отъ Александра Ивановича, навѣрное, найдется нѣсколько десятковъ писемъ разной цѣнности въ неразобранной еще грудѣ моей переписки. Изъ нихъ особенную важность имѣетъ бережно сохраняемое мною большое письмо Александра Ивановича, до сихъ поръ еще не опубликованное, по важному этико-экономическому вопросу—„объ экономической цѣнности честности“ — вслѣдствіе моего анкетнаго запроса по этому предмету для одной изъ моихъ будущихъ работъ: „Честность, какъ экономическій факторъ“. Я надѣюсь, что судьба дозволитъ мнѣ опубликовать, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ, еще при моей жизни, эту учено-литературную работу, гдѣ увидитъ свѣтъ и упомянутое цѣнное письмо моего друга Александра Ивановича Чупрова.

Иванъ Янжуль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

